

УДК 81'28; 81'286

Г. М. Егембердиева¹, Г. М. Далабаева²

¹к. ф. н. и. о. доцента Алматинского технологического университета,
г. Алматы, Казахстан; ²к. ф. н. доцент АО Медицинский университет, г. Астана, Казахстан
e-mail: gulnar_05@inbox.ru

Лингвистическая сущность немецких диалектов

Диалект – это территориальный вариант общеязыковой системы коммуникативных средств, который используется определенной частью этнического коллектива на данной территории и характеризуется известной функциональной ограниченностью. Диалект и литературный язык противопоставляются друг другу по ряду критериев: а) критерий взаимопонимости языка, так как диалект представляет собой вариант литературного языка при условии сохранения взаимопонимания; б) критерий «кровли»; в) критерий «стандартности-нестандартности подсистем национального языка»; г) критерий соотношенности-несоотношенности с определенными сферами общения; д) критерий позиции (слабой или сильной) диалекта и литературного немецкого языка.

Ключевые слова: диалект, литературный язык, вариативность, форма существования языка, языковой критерий.

G. M. Egemberdieva, G. M. Dalabaeva
Linguistik phenomenon of German dialects

Dialect - territorial variant of general language systems of communicative means, which is used by defined part of ethnic staff in definite territory and characterised by famous functional limit. Dialect and literatual language resit each other by the raws of criterion: a) criterion of common language, because dialect presents its variant as literatual language on condition of keeping mutual understanding; b) criterion of "basic"; c) criterion of "standard-non-standard of national language"; d) criterion of relating-non-reöating with definite spheres of treating; e) criterion of dialect position (weak or strong) and literatual German language.

Key words: dialect, literatual language, variantions, form of existin language, language criterion.

Г. М. Егембердиева, Г. М. Далабаева
Неміс диалектісінің лингвистикалық негізі

Диалект – белгілі бір территорияда тұратын этникалық ұжымның жалпы тілдік жүйенің қарым-қатынас тілі және оның қызметі шектеулі деңгейде пайдаланылады. Диалект және әдеби тіл бір-біріне келесі бағамдар бойынша қарама-қарсы мағынада қолданылады: а) бір-бірін түсінісу бағамы, себебі диалект әдеби тілдің бір нұсқасы түрінде қарастырылады; б) «негізгі» бағам түрінде; в) ұлттық тілдің «стандарт-стандартты емес» жүйесіне негізделеді; г) белгілі қарым-қатынас аясы шеңберімен байланысу немесе байланыспау бағамы түрінде; д) диалекттің және әдеби неміс тілінің әлді, әлсіз тұрғысы бағамы бойынша.

Түйін сөздер: диалект, әдеби тіл, вариативтік, тілдің пайдалану формасы, тілдік бағам.

Для выявления лингвистической сущности диалектов необходимо сопоставить их с литературным языком, который при выявлении характерных для диалекта признаков выступает как форма существования языка, полярно противоположная литературному языку.

Диалект и литературный язык противопоставляются друг другу по ряду критериев: а) критерий взаимопонимости языка, так как диалект представляет собой вариант литературного языка при условии сохранения взаимопонима-

ния; б) критерий «кровли»; в) критерий «стандартности-нестандартности подсистем национального языка»; г) критерий соотношенности-несоотношенности с определенными сферами общения; д) критерий позиции (слабой или сильной) диалекта и литературного немецкого языка.

По мнению Я. Гооссенс [Goossens J.], критерий взаимопонимх говорят на территории, где функции универсального средствааемости представляется недостаточно обоснованным и

четким при выявлении диасистем, понимаемых как совокупность диалектов, сходных между собой, структурное своеобразие которых выявляется только в их соотносительности друг с другом, а также с определенным литературным языком и с общим исходным диахроническим срезом. В этом случае, по мнению ученого, следует использовать наряду с критерием генетического родства критерий кровли (*Überdachung*), образуемый над диалектами, соответствующим литературным языком (*Kultursprache*) [1, 42].

Исходя из критериев генетического родства и общности по литературному языку, выступающему в качестве «кровли», Я. Гооссен определяет диалекты как «родственные» немецкому литературному языку (в плане синхронии: выводимые из немецкого литературного языка). Диалекты, на которых говорят на территории, где функции универсального средства общности представляется недостаточно обоснованным и четким при выявлении диасистем, понимаемых как совокупность диалектов, сходных между собой, структурное своеобразие которых выявляется только в их соотносительности друг с другом, а также с определенным литературным языком и с общим исходным диахроническим срезом. В этом случае, по мнению ученого, следует использовать наряду с критерием генетического родства критерий кровли (*Überdachung*), образуемый над диалектами, соответствующим литературным языком (*Kultursprache*) [1, 42]. общения выполняет немецкий литературный язык и никакой иной, более близкий, родственный язык. общения выполняет немецкий литературный язык и никакой иной, более близкий, родственный язык [1, 49].

Согласно критерию «стандартности-нестандартности» литературный язык рассматривается как нормированный «обработанный» язык. Определение «обработанная форма» языка предполагает известный отбор языковых средств из общего инвентаря на основе более или менее осознаваемых качественных критериев и связанную с этим большую или меньшую регламентацию.

В результате нормализационных процессов в области орфографии и произношения в конце XIX – начале XX века литературный язык приобрел обработанный характер и стал рассматриваться в качестве нормы для стран распространения немецкого языка. Поэтому Г. Мозер [Moser H.] называет его единым языком (*Einheits-sprache*): «*So kann die neue deutsche Hoch-*

sprache seit der Jahrhundertwende als Einheits-sprache bezeichnet werden» (Так, новый литературный язык на рубеже веков, может быть обозначен как единый язык) [2, 53].

По мнению ученого Р. Гроссе [Große R.], единая (*allgemeingültige*) форма существования немецкого языка должна носить название «*Schriftsprache*» (письменный язык), которая предполагает не только написанное, но и «произнесенное». «*Schriftsprache*», отмечает Р. Гроссе, это та нормализованная форма, та прескриптивная норма немецкого языка, которую мы слышим на сцене, по радио, в кино, с кафедры и т.д. и которой пользуется художественная литература, пресса и др. «*Schriftsprache*» – это эталон (*das Soll*), идеал, к которому стремятся, но вершин которого достигают не всегда. Реализацию этой нормы Р. Гроссе и называет термином «*Hochsprache*» (литературный язык). Он отмечает, что «*Hochsprache*» – это приведенная в действие (*aktivierte*) «*Schriftsprache*» (письменный язык), но здесь же и добавляет, что при этом проявляются локальная окрашенность речи и другие отступления. Далее на этом принципе Р. Гроссе разрабатывает определенную схему, в соответствии с которой письменный язык, в зависимости от «способа своего проявления» (*Erscheinungsweise*) или функции, описывается с помощью тех или иных названий. Так, в пространственном плане письменный язык определяется как «*Einheits-sprache*» или «*Gemein-sprache*» (единый язык), а с точки зрения социологической функции письменный язык интерпретируется термином «*Hochsprache*» (литературный язык) [3].

Литературный немецкий язык обозначается термином «*Hochdeutsch*» (верхнегерманский). Термин этот употребляется в двух смыслах. С одной стороны, он служит для обозначения диалектов более южной, возвышенной части Германии в противоположность диалектам северногерманской низменности, объединяемых под названием «*niederdeutsch*» (нижнегерманский). Граница между верхнегерманскими и нижнегерманскими диалектами определяется двойным перебоем согласных и проходит в настоящее время приблизительно по линии Дюссельдорф (на Рейне) – Магдебург (на Эльбе) – Франкфурт (на Оudere).

С другой стороны, «*Hochdeutsch*» обозначает единый литературный язык, сложившийся в новонемецкий период на почве верхнегерманских диалектов, в противоположность территориально-раздробленным диалектам (крестьянским и мещанским) как нижнегерманским, так и

верхненемецким. Так как в условиях классового, буржуазного общества литературный язык фактически является достоянием «образованных», в то время как широкие народные массы продолжают пользоваться в устной речи своими местными диалектами, то слово «Hochdeutsch» в этом значении приобретает социальный оттенок: язык более «высокий», обладающий авторитетом социальной нормы («Hochsprache»).

А.И. Домашнев считает литературным языком нормированный, отработанный язык и называет его стандартным: «одним из наиболее существенных признаков литературного языка в системе других форм существования данного современного языка является то, что он противостоит не как единственная обработанная форма, для которой характерен определенный отбор языковых средств из общего инвентаря и связанная с ним регламентация их использования. В этом смысле в отношении данной формы существования языка можно вполне применить термин «стандартный» язык» [4, 22].

Критерий «соотнесенности-несоотнесенности» с определенными сферами общения, показывает, что диалект соотносится только с бытовой сферой общения, тогда как литературный язык обслуживает большее количество сфер общения и отличается поливалентностью.

Характеристика немецкого литературного языка, по схеме предложенной М.М. Гухман показывает, что данный язык обслуживает максимальный объем сфер общения. В этом качестве он используется в пяти государствах – ФРГ, Австрии, Швейцарии, Лихтенштейне, Люксембурге. Он отличается и стандартным характером и вариативностью, так как имеет «помимо основного стандарта более или менее стандартизованный вариант в качестве литературного языка другой нации» [5].

Согласно критерию выделения форм существования языка в зависимости от того, какую позицию они занимают в обществе, можно сказать, что литературный язык занимает высокую позицию. А положение диалекта в системе форм существования немецкого языка оценивается как «слабая» позиция. Поскольку в структурном плане система его строевых признаков подвержена процессу известного размытия под влиянием литературного языка и обиходно-разговорных форм речи, а в функциональном плане наблюдаются различные процессы, связанные с отталкиванием и вытеснением диалекта, изменением его социальной базы и сфер использования. В целом такая

оценка статуса диалекта не может вызывать возражений, так как многочисленные исследователи подчеркивали, что наблюдается необратимый процесс свертывания диалекта, его «растворение» или «поглощение» обиходно-разговорным языком. Однако такое утверждение не следует рассматривать как общую оценку его состояния, так как оно не в полной мере соответствует характеру языковой ситуации и статусу диалекта в различных странах распространения немецкого языка.

Слабость позиции диалекта проявляется в том, что он лишь в редких случаях выступает как средство коммуникации. Он оказывается недостаточным при общении не только со всеми жителями деревни, но иногда и со всеми членами одной семьи.

Для разграничения литературного языка и диалектов некоторые исследователи используют одновременно более двух критериев. Так, Э.Г. Туманян предлагает разграничивать территориальные диалекты от других форм существования языка на основании нескольких критериев, а именно: 1) диалект как особая форма существования языка наряду с общим для других диалектов данной народности внутрискруктурными особенностями, обладает комплексом отличительных признаков, которые могут повторяться в одних диалектах, но отсутствовать в других; 2) диалект, как форма существования языка кроме внутрискруктурных черт обладает и собственной функцией; 3) диалект может рассматриваться как самостоятельная форма существования языка, не противостоящая языку в целом, а другим формам существования языка; 4) диалект – самостоятельно функционирующая языковая система, находящаяся в тесном взаимодействии с другими формами существования языка [6].

На наш взгляд, разграничение литературного языка и диалектов следует проводить на основании множества критериев, основными из которых являются «критерий взаимопонимаемости и генетического родства», а также «критерий кровли» Я. Гоосенса. К другим критериям, служащим для разграничения этих форм существования мы относим: критерий нормативности (литературный язык представляет собой нормированную обработанную форму, а диалекты не имеют нормативного характера); критерий позиции (литературный язык занимает сильную позицию, так как он используется во многих сферах общения и выполняет универсальные функции, имеет большую территориальную распространенность).

Дифференциальные признаки, релевантные для характеристики диалекта, определяются той позицией, которую он занимает в общей системе форм существования языка. Доминирующую позицию занимает литературный язык, диалекты занимают нижнюю позицию. Важным функционально-типологическим признаком диалектов является территориальная протяженность. «Диалект представляет собой», – пишет Н.И. Филичева, – «территориально замкнутую, специфическую для данной местности форму существования языка в отличие от литературного языка, который носит надтерриториальный характер и не ограничен рамками определенной местности» [7, 47].

Диалект отличается ограниченным коммуникативным охватом, малым радиусом взаимопонимания. Литературный язык имеет неограниченный, оптимальный коммуникативный охват и наибольший радиус взаимопонимания. Использование диалекта ограничено семейной сферой, а литературный язык – универсальное средство общения. Следующий дифференциальный признак – социальный субстрат диалектов и литературного языка. Диалектами пользуются «нижние слои общества», тогда как к носителям литературного языка относятся «средние и высшие слои общества». Я. Гоосенс, касаясь социальной стратификации языкового употребления в ФРГ, ограничивается общим наблюдением, что процент лиц, пользующихся в повседневном общении (*im Alltagsgespräch*) литературным языком, более значителен в «высших слоях общества» и, напротив, в «низших слоях общества» в этой же сфере высок процент носителей диалекта [1, 91]. Употребление и знание диалекта зависит от разных факторов (в частности, от возраста, профессии, обстоятельств). Старшее поколение (возраст свыше 65 лет) пользуется диалектом чаще, чем среднее (возраст свыше 40 лет), употребляя эту форму проявления языка и во время работы. Для среднего поколения это уже не характерно. Многие молодые люди знают диалект, но пользуются им редко.

На снижение значения диалекта в коммуникации указывает и Р. Геррман-Винтер. Он пишет, что «как единственное средство коммуникации он (диалект) недостаточен там, где речь идет о руководстве производством, о применении в сельском хозяйстве промышленных методов, о получении квалификации или же о прогрессе в области духовной и культурной жизни на селе» [8, 154]. В крупных городах в

связи с интенсивными процессами, индустриализацией и постоянным большим притоком населения из разных регионов уже сравнительно давно отказались от местных диалектов, предпочитая пользование соответствующим городским обиходно-разговорным языком [4, 175].

Критерием разграничения литературного языка и диалекта служит критерий универсальности функций. Литературный язык служит средством общения для всего этнического коллектива, а диалект для его части.

Литературный язык призван обслуживать общество во всех сферах производства, науки, культуры, общественной и культурной жизни. Диалект используется, в основном, в сфере бытового общения: диалект, как правило, лишен письменной фиксации и существует в устной форме речи. В диалекте в большей степени возможны варианты, чем в литературном языке. Сравните в одном и том же диалекте – баварском – винительный падеж, единственного числа личного местоимения 1-го лица *mich* (меня) и *mi*, именительный падеж, множественного числа имеет варианты: *mia* и *ma*; *wir gehen* (мы идем), варианты: *mir ga*, *mir gange* и даже *go*, *gönge*.

Критерием отграничения диалекта и литературного языка служит языковой критерий.

По целому ряду признаков диалекты отграничиваются от литературного языка, а именно: в фонетике – сокращения и ослабления различных типов: *i hob - ich habe* (я имею), *druff - darauf* (на этом), *d' Leid - die Leute* (люди), *ich denk - ich denke* (я думаю). В морфологии: стремление к унификации простых правил и универсальности правил. а) распространение суффикса множественного числа *-er* в среднем роде: *Better* (кровать), *Dinger* (вещь), *Stücker* (штука), *Jahrer* (год) usw.; б) распространение умлаута как показателя множественного числа: *Täg(e)*-дни, *Ärm(e)*-руки, *Wäg(e)n*-машины, *Mäg(e)n*-желудки (особенно на юге), где *-e* отпадает; в) устранение преломления и умлаута в настоящем времени глагола. Большая часть средненемецких диалектов имеет формы: *helfe*, *helfst*, *helft* (помогать). Еще шире распространено устранение умлаута: *fahre*, *fährst*, *fährt* (ехать). Это сводит несколько правил спряжения глаголов в презенс к одному; г) усиление аналитических тенденций в морфологии. Аналитическое спряжение глаголов с *tun* (делать): *ich tu schreiben*, *du tust schreiben*, *er tut schreiben*; *ich tat/ tät schreiben* (я пишу, мы пишем,

он *nißem*). У имени существительного наблюдается устранение флексии родительного падежа –s, единственной, по существу, флексии литературного языка; замена идет по линии аналитических конструкций предлогом *von*: *das sind die Handschuhe von meiner Mutter* (это перчатки моей мамы); либо притяжательной конструкцией с дательным падежом: *dem Vater sein Haus* (отцу его дом), *der Berta ihr Kleid* (Берте ее платье), *den Kindern ihre Spielzeuge* (детям их игрушки), *deiner Mutter ihr Hut* (твоей маме ее шляпу); *Wem sein Buch?* (Кому его книгу?) *Wessen Buch?* (Чья книга?); *Meine Frieda* (моя Фрида), *ihr Schwager* (ее зять), *seine Frau* (его жена), *die Frau des Schwagers meiner Frieda* (жена деверя моей Фриды).

О стремлении к унификации и к анализу одновременно говорят образования многочисленных сложных глаголов и фразеологических сочетаний с одним ингредиентом *machen* (делать), например: *droffmachen* – прибавить, *anmachen* – укрепить, *abmachen* – отделить, *sich beimachen* – придвинуться, *sich fortmachen* – отодвинуться, *Holz machen* – колоть дрова, *Geld machen* – зарабатывать деньги. Глагол *machen* выступает в диалектах как глагол-заместитель 's *nicht mehr lange* (*aushalten* - выдержать); *wieviel macht das?* (=was kostet das? – сколько это стоит?); в) склонность к эмоционально-окрашенным формам: будущее – *ich will tun* (я хочу сделать), *wir sollen gehen* (мы должны идти), *ich muss (darf) erst morgen fahren* (я могу поехать только завтра); императив – *du wirst das lassen* (ты это оставишь). В синтаксисе характерна простота построения предложения, отсутствие точного и логического его членения. Диалект склонен скорее к сопоставлению предложений /асиндетическое построение/, к простейшим сочинительным связям, нежели к подчинению, а в подчинении – к простейшим моделям.

О. Вейзе [Weise O.] говорит, что в альтенбургском диалекте отсутствуют такие союзы, как *falls* (в случае, если), *insofern* (в этом отношении), *soweit* (насколько), *obgleich* (хотя, несмотря на то, что), *odwohl*, *obschon*, *damit* (чтобы, этим), *so dass* (так, что), *während* (во время, в течение), *indem*, *trozdem dass* (несмотря на то, что). Характерно употребление *dass* (что, чтобы) вместо *damit* (чтобы), *so dass* (так что), *um zu* (для того чтобы), а также употребление союза *wo* (где) для подчинения разных типов:

– относительное: *Das Mädchen, wo (=das) im Garten spielt* (девочка, которая играет в

саду); *die Suppe, wo (=die) ich esse* (суп, который я ем); *die Schwester, wo (=zu der) wir morgen reisen* (сестра, к которой мы завтра уезжаем); *der Mann, wo (=von welchem) ich gestern erzählt habe* (мужчина, о котором я вчера рассказывала);

– временное: – *Wo (=als) er mich sah, da riß er aus* (когда он на меня увидел, он убежал);

– условное: – *West (=wenn) du nicht willst, so tu ich es selbst* (если ты не хочешь, я сделаю сам);

– противопоставительное: – *Er darf spazieren gehen, wo (=während) ich daheim bleiben muss* (Ему разрешается гулять, в то время как я должен оставаться дома);

– причинное: – *Er ist unser liebstes Kind, wo (=weil) wir es so lange verloren gehabt* (Он наш любимый ребенок, потому что мы его надолго потеряли) [9].

В лексике отличия литературного языка и диалектов проявляются в том, что в диалектах наблюдается использование конкретной лексики названий видовых понятий, обозначений предметов хозяйства и быта сельских жителей. Лексика преимущественно обозначает бытовые понятия, например:

«лоханка» – *Faß, Wanne, Balje, Kump, Truben, Bütte, Kufe, Kübel, Spülschüssel, Spülnapf, Zuber* и др.; «простокваша» – *dicke Milch, Sauermilch, Setzmilch, Schlickermilch, Schlottermilch, Pludermilch, gestockte Milch* и т.п. В диалектах отсутствуют абстрактные, родовые понятия.

Как видим, диалект представляет по своей природе, несмотря на кажущуюся простоту, несложную форму существования языка, одну из сложнейших подсистем национального немецкого языка. Чтобы выявить сущность диалектов, нам понадобилось, используя сопоставительный подход, выявить различия между литературным языком и диалектами на основании привлечения в ходе сопоставления множества критериев, а именно: 1) критерий генетического родства и взаимопонимания; 2) критерий «кровли»; 3) критерий нормативности; 4) критерий наличия позиций (сильной или слабой); 5) критерий универсальности или минимальности функций; 6) языковой критерий; 7) критерий наличия устной и письменной формы; 8) наличие или отсутствие системы стилей.

Исходя из сопоставления двух форм существования языка – литературного языка и диалектов, ученые дают различные определения диалекту. Так, территориальными диалектами М.М. Гухман считает такие формы существо-

вания языка, которые отличаются от других форм существования языка следующими признаками: 1) отсутствием выраженной функционально-стилистической стратификации и поливалентности; 2) спонтанностью речевых реализаций, поскольку коммуникативная сфера диалекта – это главным образом – повседневное бытовое общение. Этим объясняется преимущественно устная форма диалектной речи [5, 35].

По мнению В.М. Жирмунского «диалект не продукт спонтанного развития из «праязыка», не замкнутая и самостоятельная ветвь «родословного древа», он находится в постоянном взаимодействии с соседними говорами» [10].

И.О. Москальская считает, что диалект является одним из проявлений в исторически сложившейся системе современного немецкого языка и находится во взаимодействии с другими его формами (литературным языком, общо-разговорными и полудиалектами). Его функционирование в данной системе регулируется нормой, затрагивающей все языковые уровни – литературным стандартом. Литературный язык выступает эталоном при выявлении свойств диалекта, однако последний никогда не противостоит ему непосредственно. Как разновидность языка, диалект представляет собой систему с определенной структурой и

характеризуется собственными закономерностями, сложившимися в результате его исторического развития. Диалект – это самая старая форма языка, отражающая развитие Германии и немецкого языка в целом [11].

Мы будем исходить из следующего определения современного диалекта: *диалект – это территориальный вариант общезыковой системы коммуникативных средств, который используется определенной частью этнического коллектива на данной территории и характеризуется известной функциональной ограниченностью.*

Диалект, как мы видим, это самостоятельная форма существования языка, реализующаяся в устной бытовой сфере, характеризующаяся спонтанностью речевых реализаций, отсутствием выраженной функционально-стилистической стратификации, выполнением бытовых функций. Носителями диалекта являются лица старшего возраста, проживающие в основном в селениях. При едином письменном языке (даже готическая письменность фактически сошла на нет в середине XXв.) в Германии, несмотря на почти полуторавековую консолидацию, до сих пор сохраняются диалекты севера, центра и юга страны, как и отдельных географических районов.

Литература

- 1 Гоосенс Ю. Немецкая диалектология. Вальтер ди Груитер. – Берлин, 1977.
- 2 Мозер Х. История немецкого языка 2. Ауфл. – Штуттгарт, 1961. – С. 53.
- 3 Гроссе Р. Языковые наслоения в лексике // Немецкий язык как иностранный, № 6. – С. 327.
- 4 Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. – Л.: Наука, 1983. – 231 с.
- 5 Гухман М. М. Введение. Типы наддиалектных форм языка. – М.: Наука, 1981.
- 6 Туманян Э. Г. Язык как система социалингвистических систем. Синхронно-диахроническое исследование. – М.: Наука, 1985. – 247 с.
- 7 Филичева Н.И. Диалектология современного немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1983. – 192 с.
- 8 Герман-Винтер Г. Влияние социалистического способа производства на языковую коммуникацию в северных районах ГДР // Актуальные проблемы языкознания ГДР. – М., 1979. – С. 139-161.
- 9 Вейзе О. Синтакс древнегерманских диалектов. – Марбург, 1904.
- 10 Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936. – 297 с.
- 11 Москальская О. История немецкого языка. – Ленинград, 1969. – С. 252.

Referenses

- 1 Goosens Yu. Nemetskaya dialektologiya. Val'ter di Gruiter. – Berlin, 1977.
- 2 Mozer H. Istoriya nemetskogo yazyka 2. Aufl. – Shtuttgart, 1961. – S. 53.
- 3 Grosse R. Yazykovye nasloeniya v leksike // Nemetskiy yazyk kak inostrannyj, № 6. – S. 327.
- 4 Domashnev A. I. Sovremennyy nemetskiy yazyk v ego natsional'nykh variantakh. – L.: Nauka, 1983. – 231 s.
- 5 Guhman M. M. Vvedenie. Tipy naddialektnykh form yazyka. – M.: Nauka, 1981.
- 6 Tumanyan E. G. Yazyk kak sistema sotsiolingvisticheskikh sistem. Sinhronno-diahronicheskoe issledovanie. – M.: Nauka, 1985. – 247 s.
- 7 Filicheva N.I. Dialektologiya sovremennogo nemetskogo yazyka. – M.: Vysshaya shkola, 1983. – 192 s.
- 8 German-Vinter G. Vliyanie sotsialisticheskogo sposoba proizvodstva na yazykovuyu kommunikatsiyu v severnykh rayonah GDR // Aktual'nye problemy yazykoznanija GDR. – M., 1979. – S. 139-161.
- 9 Veyze O. Sintaks drevnenemetskih dialektov. – Marburg, 1904.
- 10 Zhirmunskiy V.M. Natsional'nyj yazyk i sotsial'nye dialekty. L., 1936. – 297 s.
- 11 Moskal'skaya O. Istoriya nemetskogo yazyka. – Leningrad, 1969. – S. 252.